С. Н. Кошкаровъ.

Сермяжная Русь.

18.

МОСКВА,
Тип. М. Самсонова и В. Павлова, Арбатъ, Годеинскій пер., д. 2.
1916 г.

РИГА.

Шелъ Господь по полю, нищимъ шелъ бездомнымъ,
И на землю бросилъ рваное лукошко—
И свершилось чудо—какъ шатромъ огромнымъ,
Золотая рига встала надъ дорожкой!
По утрамъ здѣсь росы, радугой сверкая,
Жемчугъ и алмазы нижутъ на стропила;
Солнечные блики, въ щели проникая,
Зажигаютъ свѣчи, жгутъ паникадила!
Здѣсь, склонясь въ молитвѣ, чуть зажгутся зори,
Чуть въ порѣчьи вспыхнутъ алые затоны,—
Ангелы святые, съ радостью во взорѣ,
Молются, какъ въ храмѣ и поютъ каноны...
Всѣ печали Бога, думы горевыя,
Ангеловъ молитвы—нива здѣсь узнала...
Здѣсь она свѣтлѣе—волны огневыя
И горятъ и блещутъ полосою алой...
Шепчутся колосья... Рдѣютъ переливы...
Межъ хлѣбовъ высокихъ—дивная дорожка!..
А какъ выйдешь въ поле—взглянешь вновь на нивы,
Тамъ худая рига—рваное лукошко!

ПЕРЕПѢША.

Хорошо на лугахъ Перепѣшѣ,
На зеленомъ просторѣ, весной;
Запугалъ его, дитятку, Лѣшій,
Запятналъ ему грудь Водяной.
Кучерявый, худой, блѣднолицый,
Съ поволокой на синихъ глазахъ,—
Вотъ онъ смотритъ какъ вольныя птицы
Надъ полями летятъ въ небесахъ...
Взлеты бабочекъ, дивныхъ шестрянокъ,
Кажутъ путь Перепѣшѣ въ лугахъ,
Слышитъ пѣсни онъ нѣжныхъ зорянокъ,
Что поютъ въ вересовыхъ кустахъ...
Наклонясь надъ цвѣточкомъ красивымъ,
Перепѣша—смѣется, поетъ,—
Голосокъ съ золотымъ переливомъ
Непонятныя рѣчи ведетъ
И, дрожа, надъ просторомъ безбрежнымъ
Разольется, какъ зяблика трель,
Станетъ въ пѣснѣ и свѣтлымъ и нѣжнымъ,
И, рыдая, замретъ, какъ свирѣль...
Любитъ онъ какъ по бархатнымъ нивамъ
Солнце ткетъ золоченый узоръ...
Перепѣша растетъ—юродивымъ!..
Милъ ему бирюзовый просторъ,
Гдѣ степей необъятныя дали,
И улыбчивый блескъ ковылей
И за сизою дымкой вуали
Неразгаданный крикъ журавлей!..
Цѣлый день надъ полями онъ бродитъ,
Золотые сбирая цвѣты...
Съ каждымъ днемъ онъ все дальше уходитъ
На просторы степной красоты...
Въ темный лѣсъ не пойдетъ Перепѣша!

Черной глуби не любитъ рѣчной!
Запугалъ его, дитятку, Лѣшій,
Запятналъ ему грудь Водяной.

---

* * *

Безъ батюшки родимаго,
Безъ матушки родной,
У мужа не любимаго
Мнѣ нѣкому весной
Повѣдать долю горькою,
Поплакать, жизнь кляня...
Ахъ, радость алой зорькой
Погасла для меня!
Мой мужъ съ неправдой дружится,
Хлопочетъ день-деньской,
Какъ жадный ястребъ кружится
Надъ бѣдностью людской...
Торгуетъ, копитъ золото,
Бранитъ изъ-за гроша,
Мое же сердце молодо,
Во мнѣ жива душа!
Пришла весна—нѣтъ силушки
Носить тоску—змѣю...
Ахъ, дай мнѣ, птичка, крылушки,
Жизнь вольную твою—
Отъ злого взгляда мужева
Спорхну на яблонь я,
Лазоревое кружево
Закроетъ тамъ меня!
Я къ садику вишневому,
Къ родному полечу
И стану жить поновому,
Какъ сердцемъ захочу...
Найду дружка—соловушку,

Что-бъ воленъ былъ, какъ я,
Склоню на грудь головушку:
„Люби, дружекъ, меня!
Я въ клѣточкѣ томилася,
Въ неволѣ золотой,
Я мѣсяцу молилася,
Что-бъ встрѣтиться съ тобой...
Люби меня, соловушка!
Люби меня, дружекъ!
Для насъ шумитъ дубровушка,
Для насъ цвѣтетъ лужокъ!“

СВЯТКИ.

Какъ придетъ въ деревню святокъ кутерьма
Съ развеселыми напѣвами и плясками—
Станетъ радостнѣй, улыбчивѣй зима
И душа полна и шутками и сказками!..
Зазвенятъ и засмѣются бубенцы,
Колокольчики и звонкіе и дробные...
Въ каждомъ домѣ пироги и приженцы,
А ватружечки румяныя и сдобныя!..
У дѣтишекъ щеки ярче алыхъ розъ,
На скамьяхъ они всѣ чинно поразсажены:
Предъ ними пляшетъ Дѣдушка-морозъ,
Бородатый, развеселый, разнаряженный!
Скачетъ, прыгаетъ забавница—коза
И медвѣдище – страшилище топырится...
У дѣтишекъ разгораются глаза,
А веселье-то гульливое все ширится!
Въ избу входятъ два сермяжныхъ старика
Съ голосистою, затѣйною жалѣйкою—
И пошли плясать въ присядку трепака,
Смѣхъ и хохотъ надъ скрипучею скамейкою!
Развеселая, счастливая пора!

Ходятъ молодцы съ тальянкою—гарможкою!
А подъ вечеръ поле ярче серебра
И съ лазоревой, истоптаной дорожкою!
Въ цвѣтѣ розовомъ купаются плетни,
У избушекъ крыши—синія и алыя...
А въ оконцахъ загараются огни—
Тамъ бесѣдушки веселыя, удалыя!

---

* * *

Посадилъ я въ санки дѣвушку—красу:
Ты не бойся, моя милая, хорошая!
Я тебя въ поля, какъ вѣтеръ унесу,—
Путь—дорожка-то веселая, порошая!
Пусть толкуютъ наши матери—отцы,
Пусть подумаютъ, поспорятъ передъ свадьбою,
Радость нашу имъ разскажутъ бубенцы
За прогономъ, за плетнями, за усадьбою!
Ой, вы, кони мои, алая дуга,
Путь—дороженька пуховая, расхожая,
Небо синее и снѣжные луга!
Ты люби меня, хорошая, пригожая!
Ты взгляни въ мое веселое лицо,
Улыбнися мнѣ, счастливая, жемчужная,—
Я дарю тебѣ червонное кольцо,
Будемъ жить съ тобой—согласные и дружные!
Ты, касаточка, ты, ласточка моя,
Дорогая моя радость, моя зоренька,
Ужъ какъ будетъ у насъ хижина своя,
Золотая въ ней и солнечная горенка!
Ужъ какъ буду я на пашнѣ работать,
Въ пору вешнюю, зеленую, погожую...
Буду грудь твою и очи цѣловать
И любить тебя, хорошую, пригожую!

ВЫѢЗДЪ.

Не ремни въ шлеѣ—мочалы,
А въ упряжкѣ—пара клячъ..
Коренникъ—то меринъ чалый,
Пристяжная—то хоть плачъ!
Сани—розвальни... Въ рогожѣ
И соломка и сѣнцо...
А въ поляхъ—то непогоже—
Дуетъ стужей на лицо.
Самъ хозяинъ—рябоватый,
Хилый парень въ армякѣ,
На худыхъ плечахъ заплаты,
Кнутъ истрепанный въ рукѣ:
„Эй, вы, кони—обормоты,
Тяжкой доли лихачи!..
Отъ нужды, да отъ работы—
Горевые хрипачи!!
Запугали васъ цыгане,
Зогоняли васъ куппы,
Оглушили на арканѣ
Залевныи бубенцы!!“
Гикнулъ, свистнулъ: „Ну, хорошій!
Покажи-ка прыть и пылъ!
И помчался по порошѣ
И кручинушку забылъ!
Кони мчатся, кони скачутъ,
Бубенцы гуторятъ въ ладъ,
То смѣются, то заплачутъ,
Путь свой держутъ наугадъ...
Растрепалася мочала,
Распушилася пенька...
И дорожка укачала
Молодого паренька.

ВЪ НЕНАСТЬЕ.

За околицей съ шалыми страхами
Темносизыя тучи бѣгутъ,
Сосны кажутся злыми монахами,
Что куда-то толпами бредутъ...
Похоронное пѣніе слышится,
Надъ полями и сумракъ и мгла;
Отъ студенаго вѣтра колышится
И скрипитъ горевая вѣтла.
Кто—то скорбный съ великой обидою
Всю—то ночь у окошекъ поетъ
И кому—то святой панихидою
Онъ великую честь воздаетъ..
Въ темной хатѣ, надъ библіей сѣрою,
Ночника замирающій свѣтъ—
Божье слово съ великою вѣрою
И съ печалью читаетъ мой дѣдъ...
И сверкаетъ слеза подъ рѣсницами
И отъ скорби раскрыты уста,
А въ углу, надъ святыми божницами,
За лампадкою—очи Христа...
Дѣдъ читаетъ святое пророчество,
Ищетъ истины благостный путь,
Но съ правдивой душей одиночества
Онъ, страдая, не въ силахъ стряхнуть...
Не разгадано Божье ученіе,
Непонятны пророковъ слова,
И проходятъ стезею мученія
Всѣ, въ комъ правда святая жива!

ДѢДЪ.

Закорузлою, ржавой рогожею,
Разостлалась полей рыжина,
Надъ дорогой—избенки негожія,
А кругомъ—тишина, тишина...
Пало горюшко—горе незваное,
Осень скорбную пѣсню поетъ...
На задворкахъ, какъ пугало рваное,—
Старый дѣдъ по тропинкѣ идетъ.
Лапоточки, портянки съ мочалою,
На ногахъ, на плечахъ—дерюга,
И бредетъ онъ походкою шалою
На порѣчье, въ нѣмыя луга...
Шапка бурей, дождями омытая,
Словно сѣна гнилого копна,
И покорность тупая, забитая,
На глазахъ его добрыхъ видна.
Непогоже надъ сирой долиною...
Поднялъ дѣдъ голубые глаза—
И за стаей слѣдитъ журавлиною
И дрожитъ на рѣсницахъ слеза...
Съ горевою кручиною робкою,
Постоялъ, помолчалъ у плетня,—
И побрелъ зарудѣлою тропкою,
На просторы негожаго дня.

Пѣсня слѣпцовъ.

Родилися незрячими
Мы, бѣдные слѣпцы,
Не видя свѣта, плачемъ мы,
Какъ сирые птенцы...
Не видѣли мы матушки,
Не знаемъ мы отца,

Подайте люди—братушки
Грошъ мѣдный для слѣпца!
Мы ходимъ—спотыкаемся,
Путь ищемъ, ненайдемъ,
Слѣпцами называемся,
На ярмаркахъ поемъ...
Мы Господа Распятаго
Несчастные слѣпцы
И Лазаря Богатаго
Бездомные пѣвцы!..
Вкругъ насъ чужіе радости,
Невѣдомый просторъ,
А мы отъ ранней младости
Во тьму вперяемъ взоръ...
Ни солнышка, ни мѣсяца
Не можемъ мы понять;
Мы знаемъ то, что вѣсится,
Что можно въ руки взять!
Мы, сирые, безправные,
Незрячіе пѣвцы,
Подайте, православные,
Къ намъ добрые отцы!
Подайте намъ по благости
И бросьте намъ гроши—
Господь пошлетъ вамъ радости
И счастье для души!

Царевы Очи.

Яркій свѣтъ,
Смотрѣть нѣтъ мочи...
На душѣ восторгъ и страхъ...
Дивный цвѣтъ—
Царевы Очи—
Я нашелъ въ родныхъ лугахъ!

Въ блескѣ росъ
Полей низина
Гимнъ слагаетъ для цвѣтка:
„Ярче розъ!
Нѣжнѣй жасмина!
И скромнѣе василька!“
Старый дѣдъ,
Сермяжникъ—пахарь,
Мнѣ сказалъ: „Цвѣтокъ найдешь—
Будешь—Свѣтъ
И мудръ, какъ знахарь,
На великій путь найдешь!
Цвѣтъ сорви—
Царевы Очи
На своей носи груди...
Для любви
Зарницей ночи
Въ жизнь безтрепетно иди!“
Тайныхъ чаръ
Живая сила,
Греза пѣсенъ и весны—
Свѣтлый даръ
Мнѣ подарила,
Алыхъ зорь раскрыла сны...
Яркій свѣтъ...
Смотрѣть нѣтъ мочи...
На душѣ восторгъ и страхъ...
Дивный цвѣтъ—
Царевы Очи—
Я нашелъ въ родныхъ лугахъ!

ВЕРЕТЕНЩИКЪ.

На деревнѣ день студеный
Всѣ сады одѣлъ въ парчу...

„Эй, точу я веретена!
Веретена я точу!
Эй, вы, пряхи! Эй, голубки!
Гдѣ вы—дома аль въ гостяхъ?“
Парень въ сѣромъ полушубкѣ,
Въ желтыхъ, липовыхъ лаптяхъ,
Въ старой шапкѣ—у оконца
Разсмѣялся: „Дѣдъ, Семенъ!
Надо справить веретенца!
Надо-ль новыхъ веретенъ?“
Приподнялся ставень хлябый,
Складно звякнуло кольцо...
У молодки, доброй бабы,
Зарумянилось лицо:
„Это ты пришелъ, Савося?
Цѣлый годъ тебя ждала!
Веретенца на износѣ,
Ленъ пряла, не берегла!
Объ тебѣ все вспоминала,
Стосковалася давно,
За работою ломала
Я не разъ веретено!
Нынче лѣтомъ на покосѣ
Умеръ дѣдушка Семенъ..
Заходи скорѣй, Савося,
Зря не стой здѣсь у окснъ!“
Опустился къ низу ставень,
Снова звякнуло кольцо,
И пошелъ веселый парень
На скрипучее крыльцо!

НА УРАЛѢ.

Развернулись лѣсовья медвѣжія,
Съ дикимъ хохотомъ мчится рѣка,

А я тропкой иду побережія
И кручина моя велика...
Ой, ты, темная, заросль таежная,
Ой, ты, Русь, горевая страна,—
Истомилась душа осторожная,
Изстрадалась, невѣдая сна...
Здѣсь мѣста непроходныя, дикія,
Царство грозное совъ и сычей,
Въ полѣсовьяхъ—овраги великія,
Вѣковое гнѣздо сохачей...
На полянкахъ цвѣтетъ горечавушка
И пестрѣютъ шалфея цвѣты,
И душица—курчавая травушка,
И смородины дикой кусты..

Миновалъ я лѣсовья нагорныя,
Путь идетъ мой въ низину болотъ,
Гдѣ туманныя дали просторныя
И разливы сверкающихъ водъ...
Тишина, тишина надъ трясинами—
Безпріютный, негожій просторъ,
Мягкій мохъ подъ сѣдыми осинами
Разостлался, какъ барскій коверъ...
Наклонилися сосны болотныя,
Загубилъ ихъ лишайникъ сѣдой,
Не колыхнутся вѣтки дремотныя,
Не стряхнуть бахромы надъ водой...
А за ними—лѣсными курганами—
И Вострякъ и таежный Глухарь,
И Веселыя Горы съ Шайтанами,
И Шелковой горы крутоярь...

Одинокій, съ походкою робкою,
Я иду по чепыжнамъ мѣстамъ
Чуть замѣтной, таинственной тропкою—
Поклониться уральскимъ скитамъ:

Тамъ въ дали одинокими станами,
Подъ охраною древнихъ крестовъ,
Подъ кремневымъ хребетомъ, подъ
шиханами,
Поукрылись они отъ враговъ;
Тамъ великіе дѣды—молельники,
Строятъ избы, часовни, кресты,
Ставятъ новыя чуры на пчельники,
Ищутъ въ жизни святой красоты...
Тамъ великая Русь неизбывная
На страданье, на подвигъ пошла,
И напѣвная, древняя, дивная,
Свой убогій свѣтильникъ зажгла!
Суждено мнѣ напѣвнику—бахарю
Тамъ невзгоды и горе терпѣть,
Что—бъ въ отчизнѣ сермяжнику—пахарю
Соловьиныя пѣсни пропѣть!

Коли Богъ мнѣ далъ душу напѣвную,
То я правдѣ родной послужу...
И за Музой, за свѣтлой царевною,
Я лѣсною тропой похожу...
Какъ царевичу, въ жизни мнѣ заданы—
Горевыя дороги—пути...
Гдѣ твой теремъ стоитъ неразгаданный?!
Ты въ оконцѣ огонь засвѣти!
Я приду къ тебѣ съ грезою—сказкою,
Алыхъ зорь разверну кружева,
И въ напѣвы съ улыбкой и ласкою
Золотыя я брошу слова...
Гой, ты, родина, Русь ты раздольная!
Ты прими молодого пѣвца!
Мои пѣсни—крылатыя, вольныя,
И для нихъ я не жажду вѣнца!

ГРАДЪ-КИТЕЖЪ.

Сосны, ели, осинникъ—гольчакъ—
Зачарованы сказкою склона:
Подъ обрывомъ Іонинъ бочагъ,
Утонулъ въ немъ начетчикъ Іона.
Былъ Іонѣ великій почетъ,
Но однажды въ скитовой оградѣ
Насмѣялся сѣдой книгочетъ
Надъ разсказомъ о Китежѣ-Градѣ...
Осмѣялъ онъ двухъ старыхъ каликъ,
Не повѣрилъ ихъ горю—кручинѣ:
„Китежъ-Градъ—златоглавъ и великъ,
Но сокрытъ онъ въ озерной пучинѣ...
Въ этомъ градѣ—всѣй Руси душа!
Тайныхъ грезъ свѣтозарная сила!
Вы живите—въ любви, негрѣша,
Что бы сирымъ здѣсь радостно было!
Жаждетъ Правда великихъ свободъ,
Братья, вѣрьте,—тотъ день недалече:
Встанетъ Китежъ надъ озеромъ водъ,
Будетъ въ жизни и воля и вѣче!..
Въ блескѣ зорь зазвучатъ надъ водой
Красногудые зовы набата,
Этотъ день будетъ Пасхи Святой,
Со слезами обниметъ братъ брата!..
Будетъ дивная радость у всѣхъ...
Вы молитеся истины ради
И проститъ Богъ великій вашъ грѣхъ...
Ваша радость—во Китежѣ-Градѣ!“
Разсмѣялся Іона сѣдой;
Стало старцамъ на смѣхъ тотъ обидно
И сказали: „Ты духомъ—пустой!
И да будетъ душѣ твоей стыдно!“
Безпріютные старцы ушли...

Замутился тутъ умъ у Іоны,
Сталъ ходить онъ, страшася земли,
Слыша въ ней и рыданья и стоны...
Онъ безумнымъ ушелъ на поля,
Цѣлый день тамъ бродилъ надъ рѣкою,
И подъ нимъ задрожала земля
И услышалъ онъ съ тяжкой тоскою—
Какъ во Китяжѣ-Градѣ гудятъ
Колокольные, дивные звоны,
Какъ тамъ судъ надъ неправдой творятъ...
И не стало тутъ больше Іоны!..
Обернулася рыбкой душа
И томится тоскою недужной
И порою, подъ тѣнь камыша,
Пробѣгаетъ лучисто—жемчужной...
И все ждетъ не дождется она,
Что бы дрогнули сирые ветлы
И надъ озеромъ, съ темнаго дна,
Всталъ бы Китежъ—правдивый и свѣтлый!

МѢСЯЦЪ.

Позакрылся сермягой дырявою
Пьяный мѣсяцъ, гуляка ночной,
И груститъ надъ дорожкой корявою,
Что зажглась на стремнинѣ рѣчной.
Не взлюбилося лысому бражнику
Горевое житье на землѣ:
„Хорошо только Богу, да стражнику,
Да поповой собакѣ въ селѣ!“
Свѣтитъ мѣсяцъ лучами бѣлесами:
„Гдѣ, молъ, правда--то скрылась въ ночи?“
Раскричалися съ шалыми бѣсами
По вражинымъ злые сычи!
Заметалися совы по ельнику,

Всполошили въ болотѣ чертей:
„Стыдно, стыдно, сѣдому бездѣльнику
Сонъ тревожить у добрыхъ людей!“
Закружилися черной ватагою,
Раскричалися галки въ селѣ...
И подъ старой, дырявой сермягою
Затуманился мѣсяцъ во мглѣ!

Выборъ ходока.

Собирались думать думу
Хлѣборобы—мужики,
Было въ хатѣ много шуму,
Попрекали старики:
„Проклялъ Богъ васъ, окаянныхъ,
Баламутовъ—горлановъ,
И надѣловъ вамъ желанныхъ
Не дождаться отъ пановъ...
Нѣтъ земли вамъ и въ Сибири!
Вы лѣнивы, какъ волы,
На подъемѣ—то, какъ гири,
Тяжелы, невеселы!
И для правды надо разумъ,
Зря ее, вѣдь, не найдешь—
Вступишь вправо—ухнешь разомъ,
А на лѣво—пропадешь...
Тутъ какъ разъ тебѣ и крышка,
Али розги, аль тюрьма...
Что твоя мнѣ, братецъ, книжка?
Коли нѣту въ ней ума!
Мало-ль что, братъ брешутъ паны!
Коль мужикъ ты—понимай!
Имъ—забавы, намъ—капканы!
Ты насъ книжкой не замай!
Ты послушай—ка, дѣляга,
Коли правда дорога:
На плечахъ у насъ—сермяга,

На ногахъ—то дерюга!
А вотъ лапти—то—могила!
Весь какъ чучело стою!
А въ груди—то, братецъ, сила!
Коль ударю, такъ убью!
А живу, вѣдь, горемыкой,—
Измозолилась душа...
Наша радость шита лыкой
И цѣна ей два гроша!
Я-ли, милый не трудился?
Силъ для пашни не жалѣлъ?
Всѣмъ угодникамъ молился
И отъ горя посѣдѣлъ!
И смекаю я, Ярема,—
Хоть и трудно—подожду!
Коль погибнуть—сгину дома,
А въ Сибирь я не пойду!“

Закричали грознымъ крикомъ,
Загалдѣли старики,
Зашумѣли въ спорѣ дикомъ
Молодые мужики!
Темнолицы, бородаты,
Въ сѣрыхъ свиткахъ, армякахъ,
И прорѣхи и заплаты
На плечахъ и на бокахъ.
Ходуномъ вся ходитъ хата,
Еремѣй сѣдой суровъ
И реветъ сильнѣй набата:
„Какъ! Не слушать стариковъ!
Не землѣ, а книгамъ вѣрить!
Броситъ полосу свою!
И по барской сметки мѣрить...
Не морочь меня! Убью!“
Со стола свалилась книжка,
Поразсыпались листки...

Закорузлый мужичишка
Лезетъ въ споръ на кулаки,
Весь дрожитъ, тресетъ плечами,
Рѣчь не складна, мысль темна...
Непокорными рѣчами
Хата вся полонена!

Третій день такъ предъ народомъ
Споритъ старый Еремѣй,
Старикомъ бѣлобородымъ
Все тяжеле, все труднѣй.
Каждый полонъ гнѣва, злобы,
Еремѣй рѣчистъ и крутъ...
Молодые хлѣборобы
Верхъ надъ старыми берутъ!
Всѣхъ бодрѣе Яковъ Горинъ
Рѣчи держитъ за Сибирь,—
Думой—свѣтелъ, тѣломъ—черенъ,
А по силѣ—богатырь!
Походилъ онъ по базарамъ,
Понаслушался людей,
Начитался съ шалымъ жаромъ
Разныхъ книжекъ, грамотей,
И теперь, передъ народомъ,
Рѣчь ведетъ все объ одномъ:
„Будетъ худо съ каждымъ годомъ,
Горе давитъ насъ кругомъ!
Нѣтъ земли... Надѣлы малы...
А помоги и не жди...
Весь народъ отъ жизни шалой
Чуетъ горе впереди!
Я искалъ по всѣй округѣ
Свѣтлой правды, честный трудъ...
Много думалъ на досугѣ,
Вижу—всѣмъ пришелъ капутъ!“

„Разскажи-ка ты мнѣ, Яша,
Али книжку прочитай,—
Отчего вдругъ горе наше
Переполнилось за край?
Пичему земля въ Сибири,
На далекой сторонѣ?
Али здѣсь не стало шири?
Вотъ прочти объ этомъ мнѣ!“

—„Нѣтъ, скажи-ка ты, любезный,—
Какъ толкуетъ намъ законъ?
Нѣтъ ли тамъ статьи полѣзной,
Нѣтъ ли тамъ какихъ препонъ?“

„Что гадать тутъ по закону—
Коли совѣсть-то чиста,—
Ты снимай-ка, братъ, икону,
Да цѣлуйка ликъ Христа!“
Коль печалишься о мірѣ,
Коли съ грамотой знакомъ,—
Потолкайся по Сибири,
Будь ты нашемъ—ходакомъ!
Ей, вы, шалые, потише!
Не шуми ты, голытьба!
Пусть придетъ къ намъ правда свыше,
Пусть разсудитъ насъ судьба!“
Смолкли въ хатѣ шумъ и крики.
Снятый образъ со стѣны
Весь зардѣлся, мечетъ блики,
Очи Господа грустны...
—„Другъ сердечный, Яковъ Горинъ!
Правду—грамоту любя,
Ты душою добръ, не вздоренъ,
Выбираемъ мы тебя!!
Поклянися передъ Богомъ
И передъ совѣстью своей,

Что послужишь ты во многомъ
И для насъ и для дѣтей!
Тяжела невзгода наша,
Будь намъ, сирымъ, за отца,
Поклянись предъ нами, Яша,—
Побороться до конца!
Поклянись и бойся Бога!
Коль обманешь—пропадешь...
Самъ увидешь горя много,
Съ кривдой счастья не найдешь!
Коль душа твоя забудетъ
Наше горе—маяту,
То пусть Богъ тебя осудитъ
И нагонитъ слѣпоту,
Иль пошлетъ тебѣ проказу,
Иль кручину—сухоту,
Иль съ собой покончи разомъ
За измѣну—срамоту!!
Если Богъ тебя не тронетъ,—
Будь ты, Горинъ, намъ не братъ,
Пусть тоска тебя погонитъ
И не дасть тебѣ отрадъ!
За обманъ и ложь—проклятье
Будешь ты носить въ груди..
И тебѣ ужъ мы—не братья—
И ты къ намъ не приходи!!“

Поблѣднѣлъ тутъ Яковъ Горинъ,
Горемыка и бѣднякъ,
Сталъ тяжелъ вдругъ, непросторенъ,
Рваный, дѣдовскій армякъ...
Стало душно, стало больно...
Онъ склонилъ на образъ взоръ
И тутъ вспомнилъ онъ невольно
Всѣхъ полей родной просторъ!
Вся краса родимыхъ пашенъ

Развернулась передъ нимъ—
Лугъ цвѣтами весь украшенъ,
Нивы съ блескомъ золотымъ,
Степь звенитъ, поетъ о волѣ,
Солнце блещетъ съ высоты,
И просторъ великій въ полѣ
Полонъ дивной красоты!..
Вотъ село родного дола,
Хаты сирыя и храмъ,
Надъ рѣкой—родная школа,
Много дивныхъ книжекъ тамъ!
Вспомнилъ Горинъ, какъ мольчишкой
Въ школу бѣгалъ босикомъ,
Какъ дивился тамъ надъ книжкой,
Вникнувъ въ грамоту умомъ...
Какъ подъ тѣнью дряхлой риги
Друга--Гоголя читалъ,
Какъ Успенскій Глѣбъ по книгѣ
Правду свѣтлую сказалъ,
Какъ великій Златовратскій
Научилъ его, юнца,
Съ бѣдняками жить по-братски,
Съ горемъ биться до конца...

Тутъ дрожащій, блѣднолицый,
И раскрывъ свои уста
И стряхнувъ слезу съ рѣсницы--
Онъ припалъ къ устамъ Христа!
Дико крикнулъ!.. Горько плача,
Застоналъ и на полъ палъ,
И лицо въ ладони пряча
Передъ образомъ рыдалъ!
Вся душа въ немъ обомлѣла!!
Онъ, стирая потъ съ лица,
Клялся всѣмъ: „Мірское дѣло
Волей Господа--Творца

Я исполню! Честно!! Свято!!
И Христосъ свидѣтель--вотъ,--
Братья--вѣрьте слову брата,--
Буду я молить господъ,
Всѣхъ чиновныхъ,--къ нимъ дороги
Хоть сермяжникъ я--найду!
Не страшатъ меня остроги!
Горе, всякую бѣду
Я размыкаю!! "И снова
Онъ рыдалъ среди друзей...
А надъ нимъ стоялъ сурово
Старый, грозный Еремѣй:
По лицу его сбѣгали
Слезы, искрясь въ бородѣ,
А глаза огнемъ сверкали,
Руки крѣпкія въ трудѣ
На груди своей могучей
Онъ скрестилъ... Народъ кругомъ,
Въ темной хатѣ съ болью жгучей
Передъ тусклымъ ночникомъ
Слушалъ клятву!.. Было душно,
Было страшно въ этотъ мигъ!..
И упрямый, непослушный,
Еремѣй, сѣдой старикъ,
Грозный врагъ надъ всякой ложью,
Взялъ, рыдая, ликъ Христа,
Обнялъ Горина тутъ съ дрожью,
Цѣловалъ его въ уста,
И крестилъ его иконой,
Древнимъ образомъ святымъ,
Гдѣ Господь съ вѣнцомъ--короной,
Съ дивнымъ блескомъ золотымъ,
Въ ризѣ, съ яркими лучами,
Съ темнымъ ликомъ--самъ Христосъ--
Смотритъ скорбными очами,
Полный горя, полный слезъ!

И сказалъ сѣдой Ерема
Со слезами на глазахъ,
Скорби тяжкая истома,
Боль сердечная въ словахъ
Зазвучала: „Старымъ, сирымъ,
Сталъ я, братцы,--тяжко мнѣ!..
Но коль выбранъ Горинъ міромъ--
Вѣрю я ему вдвойнѣ!..
Съ міромъ жить--святая доля,
Міру правдой я служу,
Мнѣ законъ--мірская воля,
Супротивъ я не скажу:
Другъ ты милый, Яковъ Горинъ!
Вѣчно мы съ нуждой въ борьбѣ!
Много въ душу свѣтлыхъ зеренъ
Заронилъ Господь тебѣ:
Былъ ты къ грамотѣ прилеженъ,
Былъ ты честенъ, добръ душой,
Предъ тобою путь--безбреженъ,
Ты, какъ пташка надъ межой,
Взвейся духомъ къ Божьей ширѣ,
Походи по городамъ,
Поклонись родной Сибири--
Нѣтъ ли, молъ, землицы намъ?
Знаемъ мы, что путь трудненекъ,
Много горя встрѣтишь ты,
Но тебѣ соберемъ мы денегъ,
Каждый дасть отъ бѣдноты
Все, что бъ только можно было
Землю--матушку пахать,
Чтобы насъ земля кормила,
Что бъ на ней намъ не страдать!
Такъ иди въ дорогу, Яша,
Жизнь у насъ въ поляхъ бѣдна,
Горькой доли--Божья чаша--

Нами выпита до дна!
Бѣлый свѣтъ тебѣ поможетъ,
Братъ--крестьянинъ дастъ пріютъ,
Богъ лѣта твои умножитъ,
Радость дастъ тебѣ за трудъ!“

Сибирскій скитъ.

У помоста ворота шатровыя...
Въ темной глуби, гдѣ козырь--конекъ,
Смотрятъ строгія очи суровыя
И въ лампадкѣ горитъ огонекъ...
То глядитъ на тропинку таежную
Съ тайной думой самъ Богъ--Саваофъ
И обитель хранитъ осторожную
Отъ великихъ и грозныхъ враговъ...
Поукрылися дѣды--затворники
За зубчатымъ заборомъ въ скиту
И возносятъ святые поборники
Горевыя молитвы Христу...
И читаютъ стихи покаянные,
И поютъ сладкопѣвный псалтырь,
Что бъ антихриста ложь окаянная
Не проникла въ таежный пустырь!

У воротъ въ волковомъ окошечкѣ,--
Ранней зорькѣ играетъ отсвѣтъ...
А на полкѣ--и хлѣбецъ и крошечки--
Тутъ для птицъ и для бѣглыхъ обѣдъ...
Заповѣдано вѣрой Христовою
Что бы сирыхъ въ бѣдѣ не томить;
И бездомную душу суровую
Нодо хлѣбомъ святымъ накормить.
Съ жаждой правды и воли и золота

Много люду идетъ чрезъ Сибирь;
А изъ тюремъ, въ комъ сердце-то молодо--
Тѣ бѣгутъ на таежную ширь!
Съ грустной думой въ окошечко малое
Смотритъ сторожъ, убогій вратарь...
Блещетъ зорька богряная, алая,
Обжигая лѣсовую ярь!

Пѣсня изгнанника.

Ой, ты, рѣчка-рѣченька, быстрая рѣка,--
Надъ тобой ольховые круты берега,
Грозные обрывины, ржавые кусты,
А въ травѣ-то блеклые, грустные цвѣты!
Выйдешь на поляночку, сядишь надъ рѣкой,
Въ сердцѣ пѣсня сложится съ горькою тоской,
Пѣсня разрыдается, обоймет просторъ,
И уйдетъ и скроется во дремучій боръ...
Крикнетъ эхо жалобно тамъ издалека:
„Ой, ты, рѣчка-рѣченька, быстрая рѣка!
Думы--безотрадныя... На душѣ--темно...
Пѣсни юной радости скрылися давно...
Тяжкій гнетъ изгнанія, горе черныхъ дней,
Скорбный слѣдъ оставили на душѣ моей!
Пѣсни соловьиныя, полныя огня,
Что же вы покинули бѣднаго меня?
Гдѣ вы, пѣсни, скрылися и ушли куда,--
Пѣсни свѣтлой радости--воли и труда?
Ой, ты, рѣчка-рѣченька, быстрая рѣка,--
Надъ тобой ольховые круты берега,
Грозные обрывины, ржавые кусты,
А въ травѣ-то блеклые, грустные цвѣты!

ГЛУХАРЬ.

Въ весеннемъ воздухѣ--и ласка и истома,
Обвѣянъ нѣгою заоблачный просторъ...
А на землѣ--отъ грохота и грома
Дрожитъ заводскій дворъ!
Съ раскрытымъ воротомъ, нахмуривъ грозно очи,
Весь красный, съ каплями горячаго чела,
Тяжелымъ молотомъ съ размаха бьетъ рабочій
Въ стальную грудь котла!
Котелъ, какъ звѣрь сраженный у ограды,
Дрожитъ, реветъ и кажется, что вдругъ--
Онъ бросится всѣй черною громадой,
И все смететъ вокругъ!
Толпа рабочихъ и зѣвакъ толпою простодушной
Стоитъ съ утра и смотритъ на котелъ...
А мастеръ съ книжечкой бозпечно, равнодушно
Работѣ счетъ подвелъ...
Еще ударъ, еще... И скрежетъ, грохотъ ярый
Поднялся надъ толпой и въ воздухѣ завылъ...
И кто-то подъ землей разсыпалъ вдругъ удары
И дрогнулъ и застылъ...
Давольно! Всѣ исправлены заклепки!
Отбиты отъ листовъ и ржавчина и гарь!
И выползъ изъ котла--улыбчивый и робкій
И въ пеплѣ весь--Глухарь!!
Съ курчавой головой—въ ней кудри золотыя
На солнце вспыхнули сіяніемъ вѣнца--
Глухарь--старикъ--взглянулъ въ поля пустыя
И вытеръ потъ съ лица...
Въ его глазахъ зажглась и ласка и отрада...
Оглохшій смотритъ онъ на небо, на людей,--
Трудясь весь день, онъ слышалъ ужасъ ада
И скрежетъ, стонъ гвоздей!..

Прищурилъ онъ глаза--и смотритъ нѣжно, нѣжно
На зелень, на цвѣты, на ласточекъ полетъ...
Но кто-то надъ душой и властный и мятежный
Въ желѣзо грозно бьетъ!
Въ ушахъ гудитъ... Незримые удары
Гремятъ, ревутъ, какъ въ тучѣ громовой...
Вздохнулъ Глухарь.. И сумрачной и старой
Поникнулъ головой...
Что мастеръ прокричалъ--того онъ не разслышалъ...
И что сказалъ народъ--Глухарь не разслыхалъ...
Съ избитою душой онъ изъ завода вышелъ
И тяжко онъ вздыхалъ.
А въ полѣ--зябликъ пѣлъ и ласточки звенѣли,
Смѣялась, плакала зарѣчная свирѣль,
Шли дѣвушки толпой и звонко пѣсню пѣли...
Былъ радостный апрѣль!!

ПЧЕЛКИ.

Съ веселой шуткой молодой,
Съ улыбкой радостной, привѣтной,
Со смѣхомъ, дѣвушки толпой
Выходятъ съ фабрики конфетной!..

Онѣ бѣгутъ, онѣ спѣшатъ...
А воздухъ--приторный и пряный...
И окна фабрики дрожатъ,
Цѣлуясь съ зорькою багряной...

Дрожитъ въ оградѣ вырѣзной
Цвѣтовъ живая вереница
И дышутъ радостной весной
И юной лаской ихъ лица...

Какъ много бойкихъ, смѣлыхъ глазъ!
Вотъ синихъ взглядовъ незабудки:
„Простите, мы толкнули васъ!“
И снова смѣхъ, и снова шутки!

Ахъ, Боже, что сказать мнѣ тутъ?
Ихъ язычекъ--острѣй иголки ..
Вокругъ меня пчелиный гудъ
И эти дѣвушки всѣ--пчелки!

Онѣ не будутъ отвѣчать
Тому, кто полонъ думъ тяжелыхъ...
Идите, юноши, встрѣчать
Фабричныхъ дѣвушекъ веселыхъ!

О, вечеръ благостный--склони
На нихъ всѣ чары аромата!
Зажгитесь въ хижинахъ огни!
Звените пѣсни до заката!

О, будь ты, вечеръ золотой,
И лучезаренъ весь и дологъ!
Обвѣй ихъ грезы красотой,
Дай больше радости для пчелокъ!

Цѣна 20 коп.

Складъ изданій:

У предсѣдателя Суриковскаго Литературно-Музыкальнаго Кружка, **С. Н. Кошкарова.**

Москва, Новая Божедомка, домъ 11.